

АРХИТЕКТУРА И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

УДК 711.4

Е. И. Козырева

«ОСТРОВ КОЛОМНА»: МОРФОЛОГИЯ МЕСТА

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Статья посвящена анализу структуры и жизни городской среды одной из старейших частей Санкт-Петербурга — Коломны. Автор предлагает новый взгляд на историю, настоящее и будущее уникального района, расположенного на Покровском острове. Статья включает пять частей: «Место», «Пути», «Границы», «Ткань», «Места». Эти базовые категории позволяют раскрыть особенности эволюции и своеобразие среды во взаимодействии пространства и времени, природного контекста и градостроительного планирования, архитектурного ландшафта и традиций. Основу исследования составляют известные исторические планы Санкт-Петербурга — «План Зихгейма», «План Махаева», «План Шуберта», проекты реконструкции 1970-х годов, результаты анализа современного состояния архитектурной, пространственной, функциональной, ландшафтной структуры района. Такие свойства «феномена Коломны», как целостность, геометрия плана, живописный водный ландшафт, плотность архитектурной массы и уникальная пространственная система, традиции и новые тенденции городской жизни — важные факторы градостроительного развития района. Библиогр. 4 назв.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, Коломна, пространство, городская среда, ландшафт, структура, исторические планы.

“KOLOMNA ISLAND”: MORPHOLOGY OF A PLACE

E. I. Kozyreva

St.Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St.Petersburg, 199034, Russian Federation

The article is dedicated to the analysis of structure and life of urban environment of one of oldest parts of St.Petersburg — Kolomna. The author proposes the new view on the history, past and future of the unique district situated on Pokrovsky Island. The article includes five parts: “Place”, “Ways”, “Boundary”, “Structure”, “Places”. These basic categories allow to reveal features of evolution and singularity of environment in such characteristics as interaction of space and time, natural context and urban planning, architectural landscape and traditions. In the basis of research are famous historical plans, the projects of reconstruction, the results of analysis of contemporary architectural, spatial, functional, landscape structure of this part of the city. Such properties of *the Kolomna phenomenon* as its integrity, geometrical plan and water landscape, density of architectural masses and unique system of open spaces, traditions and new tendencies of the city life are important factors of the urban development. Refs 4.

Keywords: St.Petersburg, Kolomna, space, city environment, landscape, structure, historical plans.

Есть точные слова, сказанные о городе. «В видении Петербурга должны быть смещены два взгляда. Первый — идеальный проект... точка зрения супервизора — идеального наблюдателя, задающего пространственно-временную, в кантовском смысле слова, эстетику города. Это зрение хранителя панорамного обзора, взгляда сверху, обладающего чутьём сверх возможного порядка и устройства. И второй

ракурс, в котором представляется Петербург, — частный, зависимый от мгновения времени и точки, с которой производится обзорный взгляд на город. Один взгляд не поглощает и не упраздняет другой» [1, с. 98].

Описать часть Петербурга, которую назовём «Остров Коломна», корректным языком градостроительной аналитики — задача понятная и очевидная. Место, надёжное ясным рисунком плана, чётко обозначенными границами, характерным контекстом, компактной, устойчивой во времени архитектурной формой, само по себе является благодатным материалом для «академических» методов исследования. Но такое описание будет заведомо неполным и недостаточным, чтобы проникнуть в смысл феномена Коломны как средового целого, понять его свойства, которые определяют и объясняют историческую судьбу, особенность жизни, способность к развитию. И тут необходимо привлечь тот «второй ракурс», в котором пространство и его освоенное соединены в живую, осязаемую, наполненную внутренним текстом сущность.

Попытаться «прочитать» город, соединив два взгляда — «панорамный», в пространственно-временном смысле, и «внутренний», зрительский, присущий средовому восприятию — так возможно приблизиться к пониманию прошлого, настоящего и будущего уникальной части Петербурга, расположенной на Покровском острове.

Место. «Архипелаг Коломна» — пять островов в дельте Невы, обращённых к морю: Коломенский, Покровский, Галерный, Матисов, Ново-Адмиралтейский. Если посмотреть с высоты птичьего полёта, особенное внимание привлекает один, самый южный, острым мысом направленный к выходу реки в простор залива. Как пика стрелы-копья, красиво очерченный водами реки и канала, остров смотрит на запад, где небо соединяется с водой...

Выделить Покровский остров из всей старой части Петербурга, называемой Коломной, — это естественно и необходимо. Именно здесь ощущение «острова», т. е. части суши, окружённой водой, компактной, в буквальном смысле «обтекаемой» формы, наиболее явственно. Масса острова плотная, как монолит, с обширной полостью-площадью в геометрическом центре, где пересекаются основные жизненные артерии. Всё уравновешено, построено на точном соотношении архитектурного и природного, регулярного и живописного, общего и неповторимого.

Так позволим себе такую вольность, никоим образом не покушаясь на современную и историческую топонимику (это важно для раскрытия сути). Назовем это Место «Остров Коломна».

Пока строятся планы и кипят страсти по перспективной северной части архипелага — окрестностям «Новой Голландии», — остров на юге, ещё не затронутый концептуальными прогнозами, кажется, спит. Но если и спит, то в тревожном ожидании — что дальше? И этот остров есть «атом», та «малая малость Петербурга», равная целому, в которой «весь во всём Петербург» [1, с. 96].

Как и в XVIII в., рождённое в архитектурных чертежах, положенных на уникальную природную подоснову, распланированное по законам идеальной формы, даже не будучи собственно островом, это Место сохраняло свою автономию и целостность и одновременно воплощало градостроительный феномен Петербурга. Причём не только феномен, но и парадокс.

Город у моря, но отвёрнут от него, обращён внутрь. Архипелаг в дельте Невы — и периферия города в его исторической форме. Рационально спланированная на принципах единого ансамбля система городских пространств в красивом водном

обрамлении — и «...здесь всё тишина и отставка». Старейший район в самом ядре исторического центра — и «край города», самая «захолустная» его часть, которая и раньше, и теперь ведёт скромную, «скрытую» жизнь. Плотность и пустынность, геометрия и лабиринт...

Здесь никогда не было дворцов, богатых усадеб и особняков (пушкинский «домик в Коломне», пожалуй, самый известный литературный символ места). Единственной архитектурной доминантой был собор в центре площади, утрата которого образовала в буквальном смысле пустоту, вакуум в сердце острова. Но коренные петербуржцы, художники и поэты, ценители аутентичности и «очарования запустения» — все тонко чувствующие *genius loci* старого Петербурга по-прежнему любят эту его часть, находя в ней душу и жизнь «минувших времен, которая не может быть перенесена ни в какие музеи» [2, с. 12].

«Остров Коломна» есть Место — особенное, характерное, обозначенное границами не только водными, пространственными, но присущими самой природе «метафизической фундаментальности» Петербурга — теми, которые определяются категорией Время.

И это единство «формы-состояния-ощущения» не сводится к эмоциональной метафоре: «здесь время застыло». Свидетельства генезиса, следы перемен, лакуны и шрамы присутствуют здесь со всей очевидностью. Суть глубже, в архетипическом слое. Ведь само по себе это Место — всеобщая первооснова поселений: мыс у слияния водных протоков, место начала, место, определяющее историческую судьбу, последующее развитие. Место, достойное целого города.

Любопытная аналогия: своими размерами (500 × 900 м) остров близок другим известным островам, давшим начало городам с многовековой историей — парижскому Сите (300 × 900 м), стокгольмскому Гамластану (600 × 600 м). Случайность? Да, конечно, при всём различии контекста исторического и градостроительного. Однако такая масштабная соразмерность даёт повод к поиску связей в морфологии и семантике Места.

Планировка — синтез идеальной классической модели и типичного для средневековых европейских городов морфотипа: дорога, торговая и соборная площадь (широкое, доступное, притягательное место на этой дороге в окружении плотного массива кварталов). Обе эти модели, соединённые волевым проектным решением, оживлены естественной красотой ландшафта, своеобразием пространственной текстуры и архитектурного пейзажа.

Целостность этого Места есть константа, имманентное свойство, заложенное в самом природном ландшафте, в градостроительном плане Петра Еропкина, позже закреплённое линией Крюкова канала, материализованное и одушевлённое в истории и сегодняшней жизни коренных жителей и всего Петербурга. Он часть большего целого, но доминанта «целостности атома» важна и необходима при размышлении о будущем Острова.

Пути. В Коломну можно приехать. Стрела Садовой (в прошлом Широкой) улицы, подобно «декуманус максимус» насквозь пронзает остров, вылетая к точке слияния реки и канала. Преодолев водный рубеж, трамвай по широкой пустынной улице устремляется к площади, чтобы сделав кольцо, вернуться назад.

Старая дорога от Невской перспективы до деревни Калинкиной на берегу Фонтанки легла в основу Садовой улицы и проектом 1740-х годов закреплена в качестве планировочной оси нового района в западной, приморской части Петербурга.

Въезд с востока, со стороны Сенной, Никольского рынка — как широко открытые ворота, откуда с развилки каналов строгая перспектива направляет в сторону Покровской площади — третьей и завершающей в череде площадей, нанизанных на ось Садовой. Знаком и центром её был собор, сегодня — пустота, очерченная трамвайными рельсами.

На подъезде с запада, со Старо-Петергофского проспекта, встречает «острие острова», два клина, сжимающих улицу, — путь в город со стороны моря, в глубину каменного массива, к площади, к центру.

Но всё же лучше в Коломну прийти или приплыть — по Фонтанке, по изгибам Грибоедова (Екатерининского) канала — путями, обнимающими остров с севера и юга, а уже оттуда, с набережных войти в узкие улицы-переулки.

Хочется не проехать-пройти навывлет, не преодолеть, а обойти, прогуляться. И не прямым коридором Садовой, а зелёными рукавами набережных. Не скорым шагом, а не спеша. Само пространство направляет вдоль водных границ, уводит от шумных магистралей к воде, туда, где пешеход чувствует себя свободно и спокойно. Но есть и ещё обстоятельство, роль которого очевидна. В отличие от главного пути-перспективы, смысловая и композиционная доминанта которого сегодня утрачена, водные панорамы сохранили поразительную цельность архитектурного ландшафта, увлекающего взгляд и движение.

«Декуманус»-Садовую пересекает символический «кардо» — Английский проспект. Образуя на пересечении идеальную модель организации главных городских путей, он по планировочной своей сути представляет парадокс — ниоткуда (в смысле иерархической логики городских путей) начинается и никуда не ведёт. То есть не имеет, как положено основной магистрали, продолжения далее, за пределами Коломны. Но именно Английский, особенно на северном участке острова, является той основной артерией, в которой сосредоточена повседневная жизнь района, которая собирает и связывает все другие, большие и малые, сухопутные и водные пути.

Реальный «кардо» — Лермонтовский проспект (в прошлом Большая Поперечная) — транзитная магистраль «север-юг», большая дорога, соединяющая остров, всю Коломну, центр города с его периферией за Фонтанкой, с глобальной дорожной инфраструктурой. Пустынность транспортного Лермонтовского противоположна оживлённой наполненности пешеходного Английского.

Два проспекта — параллели-дублёры. Первый завязан с каркасом транспортных магистралей и узлов (общественный транспорт, существующая и проектируемая станции метро), второй начинается с тихого, утопающего в зелени берега Мойки и завершается как-то скромно, «боком» выходя к Фонтанке, даже не попадая осью на мост, да и тот — пешеходный. Два проспекта — две противоположности. Две разных роли и состояния в жизни района сегодня и, думается, в будущем.

Канонерская — Лабутина (Прядильная): тоже двуединство. Две параллельные, похожие друг на друга улицы-дублёра Садовой. Сходство — длина, ширина, общее начало — Лермонтовский, и в своём конце — «растворение» в лабиринтах дворов. Различие — в зелёной полосе бульвара, множестве раскрытых к улице дворов-садов вдоль Канонерской, отчего она выглядит живописной и уютной. У южного её дублёра вид классической петербургской улицы-перспективы с плотным фронтом фасадов, хотя и здесь городской пейзаж имеет черты особой «мягкости», вероятно, благодаря общему масштабу и линии силуэта — не сплошной, «единым карнизом»,

а живой, причудливой из-за соседства зданий высоких и совсем низких, в два этажа, какие в Петербурге уже редкость.

По первоначальному плану эти улицы «выстреливали» насквозь к западному мысу острова, в сторону моря, но в реальности как-то увязли в массе застройки, оставив на выходе одну стрелу Садовой.

Улочки-переулочки, улочки-тупички: Калинин, Пряничный, Климов и прочие, прочие — как тонкие побеги на больших ветвях. Их немного, и каждая со своей историей, своим характером. Они создают тот неповторимый рисунок, ту текстуру, по которой южную Коломну можно безошибочно узнать и отличить от всех других петербургских мест.

Внутренние сквозные пути в теле кварталов в основном немногочисленны. С одной стороны, в силу малых размеров самих кварталов и плотной массы застройки, в которой цепочкам проходных дворов просто нет места. С другой стороны, из-за отсутствия самой необходимости в каких-либо дополнительных коммуникациях помимо тех, что обеспечивает частая сетка улиц.

Но потребность в таких потаённых маршрутах всё же существует: в больших кварталах проходные дворы, связанные арками и проездами, доступны, главным образом, обитателям, посвящённым в их хитросплетение. Это не столько транзит для посторонних, стремящихся покороче пройти, побыстрее попасть из точки А в точку Б, сколько совместное использование пространств, когда соседи не стремятся размежеваться, а доверительно договариваются об общем удобстве и хозяйствовании в компактных границах квартала. Правильно и практично.

Обращённые на запад огромные кварталы-клинья — это особый мир, каждый из них — «город в городе», причудливый лабиринт ходов и маршрутов, соединяющих не только дворы и улицы, но и водные пространства, лежащие по разные стороны острова. Здесь ветви улиц разрастаются густой сетью внутренних путей, ходов, трасс, вдоль которых, в связке с которыми выстраивается жизнь кварталов и района.

Дерево, где мощный ствол — Садовая, ветви — улицы с многочисленными побегами-переулками и живое переплетение внутренних путей, связывающих и соединяющих улицы, дворы, кварталы. Эта органическая структура-образ, положенная на чистую абстрактную схему, читается на плане острова, определяет особенность жизненного уклада, осязаема в движении через городское пространство.

Границы. Ни одна часть Петербурга не имеет такой ясной, выразительной, законченной формы, как южная Коломна. Река и два канала, очертания которых соединяют свойства природного и искусственного, ограничивают, обнимают остров мягкими линиями. Он как кокон, пребывающий в благоприятной среде — сам в себе, внутри себя, обращён к своему центральному ядру, но с внешним миром связан естественно и гармонично, погружён в спокойный и целостный архитектурный пейзаж, и сам есть великолепная часть этого пейзажа. Своими границами «Остров Коломна» являет всё то же последовательное двуединство: концентрация, целостность, ясная выделенность в градостроительном контексте, с одной стороны, и вместе с тем интеграция, растворение в окружающем остров архитектурно-водном пейзаже.

Остров-район, остров-«локус», попадание сюда означает переход не только водной, но и временной границы. Это Петербург, но Петербург ещё тот, кажется, почти не затронутый последним столетием, далёкий, узнаваемый в общем своём портрете, но не в парадных его чертах, а во внутренних, сокровенных и устойчивых, в частицах и деталях, ставших предметами и артефактами культурной археологии.

Характерна сама конфигурация острова, точнее, его границ. Восток — идеальная прочерченная прямая канала. Север — мягкие изгибы, образующие эффектное подобие дуги. Юг — две грани-излома, заданные широким поворотом реки в сторону моря. Иерархия границ воплощает своеобразную «петербургскую» модель построения архитектурно-ландшафтного ансамбля.

Река Фонтанка — водный путь, «большая вода», на западе указывающая на близость моря, — физически больше отделяет, чем связывает: отделяет остров от материка, ядро от периферии, центр от остального города, его южной, юго-западной части. И внесредовой по масштабу комплекс гостиницы «Советская», памятник градостроительной эпохи 60-х годов XX в., со всей очевидностью подчёркивает эту границу, это размежевание. Но несмотря на диссонанс, обширное пространство, открытое в сторону верфей и порта, наполненное водой и небом, свежестью красок, единством архитектурной декорации старой Коломны, остаётся уникальной частью городского пейзажа Петербурга.

Фронт фасадов вдоль набережной реки образует монолит: почти ни одной паузы в плотной лицевой застройке, только створы узких улиц и проёмы арок. По текстурным свойствам граница «жёсткая», но в этом есть и особенность места, и петербургское свойство всяких водных границ, когда дома стоят без просветов, «единым фасадом» в сторону воды, которая есть главный путь и смысл градостроительного образования.

Екатерининский канал (вернёмся к исторической топонимике) — граница иного рода. Как и на всём своём протяжении, здесь он представляет собой внутренний «водный коридор», не разделяющий, а окружённый — домами, кварталами, деревьями. Каменный фронт плотный, но не сплошной, поэтому граница «дышит», пронизанная пространством, наполненная зеленью.

Отсюда камерная атмосфера, тесная связь, визуальная и физическая, с северным берегом, остальной Коломной. И, кажется, что трёх мостов здесь мало, что связки могут быть более частыми, на что сама планировка (створы улиц) как будто указывает. Это граница-связь, граница-контакт.

И, наконец, Крюков канал — вода, искусственно созданная, граница «умышленная», ставшая осью пространства-ансамбля от Фонтанки до Новой Голландии. Благодаря Крюкову каналу южная Коломна из мыса у слияния двух водных протоков стала островом, приобрела границу-рубеж, означающую переход в особое состояние и измерение. Эту границу образует всего один квартал, которому суждено было сохранить черты истории и сегодня оставаться осколком лика Петербурга XVIII в.

Восемь мостов, из них два — пешеходных. Каждый мост — часть истории города, истории и легенды места: Египетский, Старо-Калинкин, Поцелуев, Коломенский, Могилевский. Мосты-границы, мосты-связки, вокруг которых пространство отмечено особым смыслом, насыщено энергией. В этом свойстве находит отражение не только роль мостов — перекрёстков, пешеходных и транспортных связей, но что-то большее, что заставляет замедлить шаг, остановиться, залюбоваться чистым, спокойным видом и обозначить дистанцию до следующего моста.

В движении водных пространств, обнимающих остров, есть точки, где суша и вода сближаются, соединяются, преодолевая гранитный монолит набережных. Плавный пандус, ступени, площадка у воды, а при малейшем подъёме уровня — она сама уже вода. Спуски есть логические паузы в непрерывной линии набережных,

которые означают взаимное тяготение земли и воды, осязаемое в состоянии самого пространства. На Фонтанке, на Екатерининском и Крюковом каналах это сближение двух стихий, двух субстанций городского ландшафта имеет свои качества, дополняет свойство границ особенными чертами.

Ткань. Панорамный вид острова напоминает цельное ковровое полотнище, точно скроенное из разновеликих частей-кварталов. Внутри геометрических очертаний — плотная структура застройки и пространств, под которой прослеживается регулярная канва исторического межевания. Каркас больших и малых улиц подобен дереву с мощным стволом. Покровская площадь — чётко очерченное пространственное ядро в центре монолитного массива. Обнимающие остров водные рукава добавляют планировочной геометрии те качества мягкости, слияния, простора, благодаря которым морфология Места характерна и уникальна.

За два с половиной столетия Коломна особенным образом воплотила в себе петербургский феномен градостроительного освоения пространства, или, говоря современным языком, «урбанизации ландшафта». Динамика процесса хорошо прослеживается в сравнении трёх исторических планов Санкт-Петербурга: «плана Зихгейма» (1737), «плана Махаева» (1753) и «плана Шуберта» (1828).

Первые десятилетия после основания города: *«план Зихгейма»*, который считается вполне объективным свидетельством реальной картины. Заросший лесом мыс в устье реки — ещё не город, но резерв будущего его развития. Всё, что указывает на намерения, волевые посылы, стратегические планы будущего освоения местности в её естественном, природном состоянии, — прямые как стрела просеки, по известной версии — спланированные Доменико Трезини «колонны» [3, с. 4]. Гипотезу о созвучности просек-«колонн» топониму оставим историкам.

«План Махаева», фиксирующий проектные предложения, разработанные в конце 1740-х под руководством Петра Еропкина, — это план-идея, план-перспектива, ставший программным документом и положенный в основу реального развития города. Коломна уже обозначена как спланированный район, хорошо вписанный в природный контекст и отвечающий классическим принципам единства, ясности, иерархии, гармонии частей и целого.

Поражает, как точно и последовательно этот план будет осуществлён. Идеально организованная мысовая часть материка, обращённая к морю, почти в точности соответствует современному плану, за исключением двух существенных расхождений.

Восточная часть района, ещё не отделённая каналом от остальной петербургской суши, целиком тяготеет к будущему комплексу Никольской площади, объединённому центральной композиционной осью от реки Мойки до Фонтанки. Фактически, это главный архитектурно-пространственный ансамбль, задуманный в восточной части города. Его продолжением и развитием в сторону моря должна была стать Коломна. Причём продолжением, в котором градостроительным планом заложена и практически реализована идеальная модель регулярного города, красиво вписанного в рисунок водных пространств, в уникальную ландшафтную ситуацию.

Западная же часть — свободный незастроенный мыс, подобный восточному мысу Васильевского острова — своеобразная «антистрелка». Очевидно, что дальнейшая судьба и архитектурная форма этого места, как и василеостровской Стрелки, в период разработки плана ещё не имела сколько-нибудь ясного решения. Но то, что это место, обращённое вдоль протоков Фонтанки прямо к морю, значимо

и эффектно, не могло оставаться без внимания архитекторов — это несомненно. И неслучайно параллельные Садовой улицы на плане выходят к открытому водному пространству, сообщая всей структуре свойство динамичной открытости.

И здесь, говоря о начальном периоде формирования градостроительной ткани Коломны, нельзя не отметить, что «сама пустота в Петербурге имеет онтологический смысл. Она выступает формообразующим началом... Он весь состоит из пространства... Пространство, или пустота, его качества, характеристики, метафизические свойства являются именно для Петербурга наиважнейшими» [1, с. 96].

Пространство возникло раньше самого города, улицы и площадь появились раньше домов.

Вся дальнейшая история острова — это история материализации пространства, с одной стороны, реального природного, с другой — «умышленного», обозначенного контурами плана. И среда в её сложившихся характеристиках и свойствах есть уникальный и одновременно типический для градостроительного феномена Петербурга результат диалектического процесса урбанизации природного ландшафта и формирования нового — архитектурного, городского ландшафта.

Доминирующая единица этого ландшафта — квартал. В устойчивых, определённых планом границах на протяжении двух с лишним столетий «биография» каждого квартала и его внутренней среды складывалась из трансформации, утрат, накопления форм архитектуры, пространства и жизни в этом пространстве.

В эволюции кварталов Коломны прочитываются все этапы морфогенеза петербургских кварталов — от усадебной застройки до доходных домов, послевоенного строительства и реконструкции конца XX в. Свойство единства, которым обладает Место в целом, каждый отдельный квартал, есть «единство многообразия», накопленного и соединённого в текстуре средовой ткани. И в этом качестве состоит ещё одна её ценная и характерная морфологическая особенность.

Начало истории кварталов заложено П. Еропкиным в «примерных проектах» с регулярным и частым делением территории-пространства на мелкие участки с одно-двухэтажными домами, садами, огородами. Система межевания, застройки и формирования своего рода «внутриквартального ландшафта», обозначенная как директива развития на «плане Махаева», в основных своих принципах реализовывалась на протяжении последних десятилетий XVIII в., определив структуру ткани и характер архитектурного пейзажа.

В этом особенном пейзаже соединились стремление к европейской регулярности и традиция патриархального полу-сельского уклада, свойственная русским городам. И такую «особенность» Коломна сохранила надолго, став синонимом «периферии» столичного Петербурга.

Указ императрицы Елизаветы Петровны от 17 ноября 1761 г. о том, чтобы «между речками Мойкою и Фонтанкою строить каменное строение, а деревянному не быть» [3, с. 5], воплощался в жизнь неспешно, меняя облик в основном лицевой застройки вдоль Фонтанки, Садовой, Крюкова канала. А в глубине переулков и кварталов деревянные дома с заборами и садами ещё долго сохраняли колорит того «особенного» уклада жизни района на краю города.

О Коломне начала XIX в. свидетельствует «план Шуберта» — выдающееся картографическое произведение, исключительно точно фиксирующее реальную картину, т. е. осуществлённое и ведущееся строительство. На плане подробно обозначены

линии улиц, границы участков, конфигурация зданий и сооружений, зелёные насаждения, ограды и многие детали городского ландшафта.

Планировочная основа кварталов, построенная на совокупности мелких модулей-участков, абсолютно сформирована. Это плотная, однородная в целом и разнообразная в границах участка и квартала текстура, сохранившая от ранней, усадебной эпохи свойства «мягкости» за счёт несплошной застройки вдоль улиц и переулков, открытых к улице дворов, множества островков зелени. Участки непрерывного фронта домов и фасадов заметны в основном вдоль набережных Фонтанки, на Покровской площади, у пересечения главных улиц — Садовой и Грязной (нынешнего Лермонтовского). К западу от площади, в обширных кварталах у мыса острова система ещё не сложилась, свободное пространство доминирует, медленно подчиняясь регулярной сетке межевания и застройки.

В целом фактура средовой ткани, сложная, живая, обладает узнаваемым «генетическим кодом», который прочитывается и сегодня.

Прошло полвека — и ландшафт острова изменился. Эпоха доходной застройки сыграла решающую роль в формировании архитектурного ландшафта современной Коломны, сохранив в основе своей градостроительную природу, феномен Места.

Дома выросли, сомкнулись, поглотив флигеля и службы, сады и ограды, нередко объединив мелкие домовладения в более крупные, солидные комплексы.

Надо сказать, что Коломна конца XIX — начала XX в. разрушает устойчивый стереотип городского «захолустья». Здесь строят видные петербургские архитекторы — И. С. Китнер, В. А. Шретер, А. Ф. Бубырь, А. Л. Лишневский, М. П. Львов, В. В. Шауб, В. А. Кенель, С. П. Кондратьев, К. В. Винклер, А. И. Радике, А. П. Попов и др., многие из них — академики архитектуры. Место в стороне от шумной жизни столицы, недалеко от Мариинского театра, теперь пользуется спросом петербургской интеллигенции, «среднего класса».

И в хронологии застройки, и в городском пейзаже можно наблюдать исключительную цельность, последовательность архитектурного формообразования, продолжающего эволюционный процесс. С одной стороны — накопление «архитектурной массы» в буквальном смысле, уплотнение, «собрание» материальной формы, с другой стороны, сохранение и «кристаллизация» пространственного каркаса, более чёткая организация внешних и внутренних границ, связей. Важно и ценно, что в основе процессов роста и развития сквозит та, прежняя, усадебная Коломна с характерной неоднородностью, проницаемостью, живописным сочетанием самостоятельных, но родственных ячеек-владений, ролью улиц как внутренних артерий, которые не разделяют, но связывают многочисленные капилляры переулков, дворов, проездов в сложную пространственную систему.

Имена архитекторов, создавших новый архитектурный образ Коломны, подтверждают профессионализм решений, основанных на культуре градостроительного мышления, преемственности, чувстве «места» и «контекста».

Подавляющее большинство зданий на острове относятся к этому периоду. Именно доходная застройка, поглотив, включив в себя, интегрировав всё, существовавшее ранее, стала связующей массой, благодаря которой сложилась не только средовая ткань района, но и архитектурный образ. В нём соединились значительность и мягкость, строгость линий и живописность целого, единство и контрасты, пустынно-камерность и амбивалентность качеств внутреннего

и внешнего, плотность и проницаемость массы, синтез архитектурного и водного ландшафта.

Всё, что произошло за следующие полтора столетия, оставило следы неких новых включений в сложное фактурное плетение средовой ткани. Включений в основном неконфликтных, но иных по своей природе, по отношению к структурному «модулю» целого. На плане эти участки, отмеченные реконструкцией и новым строительством, выделяются, прежде всего, масштабом, взаимоотношением объёмов зданий и свободного пространства, включением зелёных насаждений.

Послевоенный период привнёс в структуру кварталов такие новые элементы, как здания школ, оформляющие границы застройки вдоль набережных, улиц, площади. Позже, в рамках комплексной реконструкции появились отдельные жилые здания, формирующие, как правило, угловые участки кварталов.

Новейший объект — отель в створе Канонерской улицы — свидетельство явно инородного средового морфотипа. Он так и не ужился в окружающем пространстве и потому образует вокруг себя определённую зону отчуждения. Что ж, такова судьба стандартизированных архитектурных монстров, внедрённых в средовую ткань старых кварталов. Однако в целом — всё то же единство, свойство сложной фактуры, в которой последнее время оставило лишь незначительные следы и прорехи.

Места. Есть Место, и есть места. Как не отделить Коломну от Петербурга, так непросто обозначить отдельные места, выделить их из целого, очертить границы. Однако в пространстве острова они складываются в особую иерархию.

Места главные: площадь, въезды на остров с востока, запада, севера и юга. Места на набережных, у мостов и спусков, и сами мосты — это места особенные. Места-перекрёстки, улицы, переулки, зелёные пятки скверов на их пересечении, места в начале и в завершении улиц... И те места, которые есть внутренняя, заповедная часть кварталов — открытые, проницаемые или же глубоко упрятанные в каменных массивах.

Места-узлы, места-площадки, места-границы... Типология мест обширна: от площади, центральная и главенствующая роль которой определена всей сутью градостроительной идеи, до множества маленьких «мест», единицу-модуль в определении и ощущении которых даёт мелкаячестая сетка межевания, сохранившаяся почти без изменений со времени основания-освоения Места. У каждого малого «места» — своя история, своё особое положение на масштабной шкале, в смысловом, событийном контексте истории и сегодняшней жизни острова.

Места обладают пространственной формой, ситуативностью, портретностью, памятью о прошедшем и потенциалом будущего. Есть места, где энергия зашкаливает: она заложена в самой их сущности и устойчива во времени. Есть, напротив, места-пустоты: из них ушла жизнь. Когда-то наполненное, бурлящее, живое пространство, сегодня — пустота. След, тень, память...

Покровская площадь. Её роль в архитектурной форме, историческом «коде», прошлой, настоящей и будущей жизни острова неоспорима. Но так же очевидно, что сегодня «память места» — это лишь отдельные знаки, иконографические свидетельства, смутные очертания, живущие в сознании горожан символы, реальная судьба которых — предмет раздумий.

Эта площадь, вероятно, самая необычная в сравнении с большинством петербургских площадей, где пространство открыто, границы не замкнуты, глубокая сквозная перспектива доминирует. Здесь всё наоборот: замкнутые углы, жёсткая

геометрия и центральное ядро — храм, место которого в фокусе всех главных путей и направлений было определено изначально.

Площадь, созданная по традиции как церковная и рыночная, всегда была единым целым.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы, построенный на рубеже XVIII и XIX вв. по проекту И. Е. Старова (это была последняя крупная работа мастера, он взялся за неё по просьбе прихожан), осенял и объединял пространство не только в границах площади. Тонко прорисованный силуэт Покровской церкви заметно звучал в городском ландшафте — от Невы в районе Ново-Адмиралтейского острова на севере до Фонтанки на юге. Западный фасад храма смотрел в сторону моря и, вероятно, был виден издали, а восточная, алтарная часть замыкала перспективу Садовой от Вознесенского проспекта. Приделы церкви, располагавшиеся с севера и юга в фокусах оси Английского проспекта, создавали масштабную связь с окружающей застройкой. Удивительно, но факт: ни один храм в Петербурге, за исключением разве что расположенных у воды, в границах водных панорам, не имел такой обширной зоны видимости (её диаметр почти 2 км).

Историческая Покровка даёт прекрасный пример классического построения ансамбля на основе единства двух композиционных принципов. Первый: объём в центре организует открытое пространство, даёт ему масштаб, структуру, смысл. Второй: глубокие перспективы имеют завершение, фокус, центр притяжения. В единстве динамики и статики, центричных и линейных векторов образуется мощный энергетический узел. С утратой ядра площадь потеряла это свойство, узел ослаблен, «развязан». Пространство стало аморфным, хотя границы сохранились, даже более — здания выросли, сомкнулись в единый фронт. Но — это ощущается буквально физически — зелёный массив сквера не компенсирует потери. И лучший способ стереть, «заглотать» след, предать забвению истинное предназначение места был выбран безошибочно, грамотно и жестоко: проложить пешеходный транзит, связать части Английского в одну сквозную ось. Каменная стела в стороне от пустынной площадки — скромная дань памяти о храме.

Сквер вокруг церкви — зелёный остров, окружённый оградой, — изначально занимал лишь четверть площади (сегодня он в два с лишним раза больше), и свободное пространство, собранное в ясных архитектурных границах, отчётливо преобладало. Это было огромное «пешеходное» пространство, наполненное жизнью, толпой, движением. Центрами этой многолюдной жизни были восточная часть, обращённая в сторону Сенной, и западная, перед входом в храм. Здесь было всё, что составляет суть городских общественных пространств: стихия рыночной площади, церковные праздники, народные гуляния, повседневное пересечение, переплетение всех нитей, которые связывали жизнь Коломны.

Появление трамвая сыграло роковую роль в судьбе Покровки. Линии рельсов жёстко разделили пространство, определив будущий антагонизм транспортной и пешеходной частей. Площадь стала «кольцом», радиусы которого определены движением машины. Высокая ограда закрепила этот раздел, и опустошённое, отрезанное от остальной площади, пронзённое насквозь пространство в её центре стало обычным сквером с регулярным рисунком плана и формальным набором того, что необходимо для организации центральной «площадки» района. Сквер не стал садом, «площадка» не сохранила в себе площадь, а «площадь Тургенева» стала звеном

городского трафика. «Карманы» в углах площади заняли парковки, остальная часть остаётся пустыней.

Таковы реалии, но очевидно, что без возрождения Покровской площади невозможно моделировать будущее острова, и сказанное — это лишь приближение к проблеме, в которой отразилась судьба многих исторических пространств Петербурга.

Но есть в Коломне и другие места, которые сегодня еще не реализовали потенциал, заложенный в самой их морфогенетической основе.

Въезд на остров у «Семимостья» — место символическое, соединяющее части города, пространства, ансамбли, виды, историю и будущее развитие. Новая жизнь Никольского рынка должна дать толчок к оживлению места, звеном и продолжением которого определено было быть Коломне. Мощная планировочная и композиционная ось от Новой Голландии до Фонтанки, задуманная ещё П. Еропкиным, сегодня может наполниться новым смыслом, который «подхватят» Садовая, Покровская площадь, Крюков и Екатерининский каналы. Это особый статус Места, которого оно достойно, суть которого в исторической, градостроительной, культурной уникальности.

Не меньшим потенциалом обладает и западный мыс острова — «стрелка» на водной развилке, обозначающая въезд в центр города и тяготение города к морю. Энергетически сильное место. Его значение и архетипика определяют исторический и современный смысл участка Садовой в связке с площадью, набережными Фонтанки и Екатерининского канала. Это места знаковые — на границе воды и суши, пути, с которых начинается движение и которые соединяются здесь в узел.

Вообще самые «сильные» места на карте острова — это места у воды, у мостов, в соединении архитектурного и водного ландшафтов, границ и путей, простора и массы, стремительного и спокойного движения. А места внутри, в ткани, в глубине улиц, переулков и кварталов хранят в себе особенную жизнь, которую не надо регулировать и загонять в рамки, ей надо позволить и помочь существовать в естественных, саморегулируемых формах.

В этой многослойной морфологической картине — природа «острова Коломна», его история и судьба, нынешняя жизнь и перспективы, привязанность обитателей и трепетное отношение всех, кто неравнодушен к подлинной ценности города, который, по словам А. Бенуа, красив «именно в целом или, вернее, огромными кусками» [4]. И сохранение этого устойчивого и одновременно хрупкого «целого» видится корнем будущего развития.

Литература

1. Серкова В. Неопикуемый Петербург (выход в пространство лабиринта) // Метафизика Петербурга. Альманах, вып. 1. СПб.: Эйдос, 1993. 320 с.
2. Лукомский Г. К. Старый Петербург. Прогулки по старинным кварталам столицы. СПб., 2002. 176 с.
3. Беляева Г. И. Прогулки по старой Коломне. М.: Центрполиграф, 2009. 492 с.
4. Бенуа А. Живописный Петербург // Мир искусства. 1902. Т. 7. № 1. С. 1–5.

Статья поступила в редакцию 6 марта 2014 г.

Контактная информация

Козырева Елена Ивановна — кандидат архитектуры, доцент; kozirevalena@rambler.ru
Kozireva Elena I. — PhD, Associate professor; kozirevalena@rambler.ru